

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Человек, которому повезло

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=619545*

Аннотация

«В этом не было ничего чудесного.

Это все равно, как если бы человек, переходя каждый день в течение десяти лет через шумную улицу, твердил бы ежедневно:

– Вот сегодня меня непременно раздавит автомобиль! Сегодня уж наверное.

И если бы автомобиль когда-нибудь действительно задавил его – в этом не было бы ничего удивительного. Не было бы чудесного пророчества, предчувствия. ...»

Содержание

I	4
II	7
III	10
IV	13
V	15
VI	17
VII	20

Аркадий Аверченко

Человек, которому повезло

I

В этом не было ничего чудесного.

Это все равно, как если бы человек, переходя каждый день в течение десяти лет через шумную улицу, твердил бы ежедневно:

– Вот сегодня меня непременно раздавит автомобиль! Сегодня уж наверное.

И если бы автомобиль когда-нибудь действительно задавил его – в этом не было бы ничего удивительного. Не было бы чудесного пророчества, предчувствия.

То же самое можно было сказать и об Акиме Васильевиче Цыркунове – конторщике большого дровяного склада братьев Перетягиных (доски, дрова, уголь, каменный и деревянный; оптовый отпуск).

Если когда-нибудь Аким Цыркунов, переписывая корешки накладных, поднимал от книги сморщившийся нос, открывал рот и, глядя в потолок искаженным от сладкого ожидания взглядом, наконец аппетитно и оглушительно чихал – его товарищ и сподвижник по службе Ванечка Сырых неизменно подсказывал ему:

– Двести тысяч на мелкие расходы!

– Спасибо, – неизменно отвечал Аким Цыркунов и сейчас же неизменно впадал в мечтательное настроение.

– О, действительно, – говорил он, подперев кулаком щеку. – Если бы мне двести тысяч... Уж я бы знал, как распорядиться ими.

– А что бы вы сделали?

– Да уж будьте покойны – знал бы что сделать. Я бы показал настоящую жизнь-то.

– Ну если бы и мне такую цифру, – говорил и худосочный Сырых, – я бы тоже...

– Ну а вы бы что сделали?

– Я купил бы пароход и отправился бы по разным странам. Пил бы ром, сражался с индейцами и подал бы на высочайшее имя прошение о перемене фамилии. Ходатайствовал бы о назначении мне фамилии Джек Смит.

Цыркунов пожимал плечами:

– И это все?

– Конечно, не все. Купил бы себе еще зверинец – я очень зверей люблю диких. И стал бы упражняться гирями. По маскарадам ходил бы...

– Зачем?

– Чтобы всех интриговать. Ну а что бы вы сделали все-таки, если бы вдруг на ваш билет пал выигрыш двести тысяч?

– Да уж знал бы что – будьте покойны! Слава богу, тоже понимаем, как жить по-настоящему... хе-хе! Без денег не

знаешь, как быть, а с деньгами... ап... ап... чхи!

– Вот! Значит – ваша правда.

– Ап... чхи!

– Двести тысяч на мелкие расходы!

– Спасибо вам!

Эти разговоры повторялись почти каждый день – в зависимости от силы хронического насморка Акима Цыркунова.

– Апчхи!!!

– Двести тысяч на мелкие расходы!

В один из первых весенних дней Аким Цыркунов выиграл на свой билет двести тысяч.

Выиграл так, как это обыкновенно делается – не прилагая к этому никаких усилий и даже ни разу не чихнув в этот знаменательный день, что, конечно, вызвало бы традиционную беседу о «двухстах тысячах на мелкие расходы» и придало бы факту выигрыша особый привкус чудесного.

II

Может ли человек за свою долгую жизнь забыть тот день, когда он, не имея накануне ничего, – сегодня вышел из банкирской конторы, ощущая в кармане около ста девяноста тысяч новенькими плотными пятисотрублевками.

Нет! Трудно забыть такой день.

По выходе из банкирской конторы план ближайших мероприятий был уже составлен богачом Цыркуновым.

Именно: он зашел в гастрономический магазин и, робея с непривычки, попросил:

– Фунт зернистой икры, самой лучшей. И потом ананас.

– Слушаю-с. Из напитков ничего не прикажете?

– Да, конечно... Гм!.. Дайте шампанского. Шампанское есть у вас?

– Помилуйте! Какой марки прикажете?

– Что-о?

– Какой сорт позволите?

– А какие сорта вы имеете? – осторожно осведомился

Цыркунов.

– Кордон-с руж, кордон-с вер, вайт-стар, монополь-сек, мум-экстра-дри-с.

– Ага... У вас монополь-сек хороший?

– Будьте покойны – французская фирма.

– Я думаю! Стану я пить русскую дрянь. Вообще ты, бра-

тец, тово... Скажи мальчику вашему, чтобы он вызвал мне автомобиль.

Выйдя из магазина, Цыркунов заметил нищего, который, прислонившись к выступу стены, смотрел в другую сторону, не обращая никакого внимания на Цыркунова.

У бывшего конторщика был уже составлен обширный, хорошо разработанный план «оглушения», и он начал немедленно его осуществление с нищего.

– Эй, нищий, – сказал он, дергая его за рукав. – Ты милостыню просишь, да?

– Подайте, барин, – очнулся задумавшийся оборванец. – Хучь пятачок... ночевать негде... хлеба... три дня... больница... хучь две копейки...

– Ладно, ладно, – сановито остановил его Цыркунов. – Вот тебе десять рублей. Помни – хе-хе! – Акима Цыркунова!

И он умчался на автомобиле.

Приехав домой на свою холостую квартиру, он сразу же окунулся в роскошную привольную жизнь: выложил свежую икру на большую тарелку, достал столовую ложку, хлеб и, вытерев чайный стакан, стал открывать шампанское.

Это дело было потруднее: штопор не ввинчивался в пробку, потому что на верхушке ее торчала какая-то металлическая нашлепка; кроме того, горлышко было опутано целой сетью проволоки, совершенно не нужной, по мнению хозяина. Пришлось горлышко отбить кочергой и пить вино осторожно, чтобы не подавиться осколком стекла.

Все было чрезвычайно вкусно: и икра, и ананас. Завтрак – хоть куда.

«Надо, – решил настроившийся гастрономически Цыркунов, – попробовать еще омара и выпить рому. А на сладкое куплю уж торт. Эх, хорошо жить на свете!»

После завтрака Цыркунов решил ехать в магазины. Он осмотрел в зеркало свой потертый засаленный галстук и прошептал, подмигивая самому себе:

– Я знаю, что мне надо делать.

III

В галстучном магазине перед ним выставили целую гору коробок.

– Да вы, собственно, какие хотели?

– Самые лучшие.

– Вот извольте – эти самые настоящие английские. Один адвокат у нас по полдюжины сразу их берет.

Цыркунов ухмыльнулся в усы с хитрым видом.

– Полдюжины? Ну а мне, знаете, заверните-ка... полсотенки!

Ожидаемый эффект разразился. Хозяин магазина был оглушен.

Он истерически заметался, запрыгал, как обезьяна, по полкам и выставил перед Цыркуновым другую гору.

– Белых не прикажете ли, фракчных? Черных атласных для смокинга...

– Да, да... мне, конечно, нужно, – благосклонно кивнул головой Цыркунов. – Все нужно. Заверните вот этих и этих... и этих.

Выйдя из магазина, Цыркунов сел в тот же автомобиль (с шофером у него уже установились хорошие отношения) и стал размышлять так:

– Смокинг... оказывается, что галстуки не под каждый костюм оденешь. Смокинг... га! Шофер! Везите меня к порт-

ному, какой получше.

У портного Цыркунову открылся новый мир.

– Вот-с это покосматей будет – для жакетов... Бирмингемские сорта. Это трико-с – для смокингов.

– Черное?

– Да.

– А... других цветов нет?

– Помилуйте... смокинги только черные шьются.

– Ну что вы мне говорите! Я думаю, коричневый будет гораздо наряднее.

– Извольте, – сказал портной. – Сделаем коричневый. На отвороты поставим коричневый атлас. Брюки внизу сделаем не особо широкие, потому слегка на туфлю падает, не на ботинок.

– Вы полагаете, на туфлю? – задумчиво переспросил Цыркунов. – Значит, придется к смокингу туфли покупать.

– Да уж... Мода – ничего не поделаешь.

И оба склонили головы перед суровыми требованиями капризной богини – моды.

И так оно и пошло.

Галстучник силой вещей толкнул его к портному, портной перекинул его в объятия обувного торговца, а тот ловким ударом перенес сразу бывшего конторщика в цепкие лапы француза, который снискивал себе солидное пропитание продажей мужского белья «все лучший сорт, сюперior»...

Тароватому Цыркунову удалось «оглушить» даже издав-

шего вида француза; количества носков, купленного им, хватило бы даже самой капризной сороконожке на целый год.

Но главное «оглушение» было впереди.

IV

Приехав в свою дровяную контору, Цыркунов скромно вошел в первую комнату, поздоровался и сказал:

– Извините, что так опоздал. У меня дома случай там один вышел.

Бухгалтер обернулся, кивнул ему головой и стал продолжать разговор по телефону:

– Алло! Что? Господин Миркин! Как не можете прислать? Да ведь мы на эти восемь тысяч нынче рассчитывали! У нас срочные платежи!! Вы не имеете права нас подводить... Что? Конечно! Да позвольте!..

Цыркунов приблизился к бухгалтеру и деликатно вынул у него из рук телефонную трубку.

– Оставьте, Николай Иванович... Стоит ли волноваться вам, портить кровь из-за таких пустяков... Если сейчас так нужны деньги – вот! Натё. Отдадите, когда Миркин пришлет.

«Оглушение» было страшное, чудовищное, ни с чем не сравнимое. Только тогда нашел Цыркунов, что бывают минуты, когда сердце может разорваться от восторга.

Бухгалтер остолбенел, конторщик Сырых опрокинул чернильницу, а сторож Мокренко бросился чистить Цыркунову метелочкой пиджак.

Расслабленный Цыркунов опустился на стул и заговорил томно и ласково:

– О, господа, какие пустяки. Тут нет ничего такого... Господин Сырых! Я знаю, вы нуждаетесь в некоторых суммах для того, чтобы ваша жизнь могла быть урегулирована с достаточной полнотой. Будьте добры принять от меня на память эту тысячу рублей. Мокренко! А ты, братец, тоже то-во... Как говорится, а? Вот тебе пятьдесят рублей – будь себе здоров.

Оглушение было невероятное, потрясающее, не убившее никого только потому, что от удивления не умирают.

V

– А что, братец, – обратился, едучи обратно, Цыркунов к своему приятелю шоферу. – Мог бы ты пойти ко мне слушать?

– А у вас есть мотор? – спросил шофер.

– Нет, но я думаю, что можно купить. Ты купишь?

– Отчего же-с! Купим лимузин обыкновенный, или из мерседесов, можно что-нибудь подобрать, или, может, нравится электрический без запаха, только что он подороже.

– Ну и прекрасно! Заезжай ко мне завтра утром, и поедем.

По пути Цыркунов заехал в магазин и купил припасов на обед: целого омара, балык, страсбургский паштет, рому и шампанского. Взял, кстати, и два десятка устриц, но, приехав домой, не ел их.

А так как поручить их прислуге выбросить было как-то стыдно и странно, Цыркунов завернул устрицы в старую газету и поздно вечером, выйдя из дому, забросил на двор в дрова.

Утром купили с шофером автомобиль. Шофер так понравился Цыркунову своим чутьем, вкусом и здравым смыслом, что в компании с ним была отыскана большая, в девять комнат, квартира, куплена мебелировка, ковры, картины и скульптура.

Целый день, проведенный вместе, очень сблизил скром-

ного богача Цыркунова с умным, веселым шофером. Поэтому не было ничего удивительного в том, что вечером все покупки были спрыснуты в отдельном кабинете второразрядного ресторана, метрдотеля которого Цыркунов не премировал «ошеломить» заказом громадной стерляди и полдюжины шампанского. Из дичи же было заказано: руанская утка – Цыркунову (12 руб.) и седло барашка – шоферу (6 руб.). Деликатный шофер этим очень тонко подчеркнул иерархическую разницу между собой и своим патроном.

VI

Жизнь протекала так: просыпался Цыркунов в своей монументальной спальне довольно поздно – часов в двенадцать; проснувшись, читал около часу какой-нибудь роман из французской или английской жизни; потом вставал, надевал смокинг, атласный галстук, лаковые туфли и долго бродил по комнатам, рассматривая картины и статуи, выбранные им в компании со знатоком великосветского быта шофером; полюбовавшись на картины, на букеты свежих цветов, в изобилии расставленных по всем комнатам, Цыркунов усаживался в кабинете за письменный стол и, развернув несколько листов чистой бумаги, с карандашом в руках, звонил камердинера, обрусевшего испанца Игнацио, который получал жалованье ровно в три раза больше, чем Цыркунов в свое время в дровяной конторе Перетягиных.

– Игаадиус! – солидно говорил Цыркунов, делая на листах бумаги отметки с самым деловым видом. – Позовите шофера – мне надо с ним переговорить... Да велите подать мне закусить чего-нибудь и бутылку шампанского. Пожалуйста, сделайте все это!..

Приносили разные закуски, вино, являлся шофер.

– Здравствуй, Аким, – говорил он, ласково хлопая по плечу хозяина. – Как, вообще, ползаешь?

– Ничего, спасибо. Садись, закусим.

– Опять это пошло? Ты бы водочки лучше, а?..

– Ну чего там водочки... Пей шампанское. Самое, брат, лучшее вино.

Чокались, пили. Закусывали икрой, балыком и холодной руанской уткой, которая чрезвычайно понравилась Цыркунову со времени ужина в ресторане.

После завтрака оба приятеля садились на мотор и уезжали, катаясь по городу и забавляясь тем, что изредка «оглушали» прохожих или лавочников.

Цыркунов очень любил разные сюрпризы: то он покупал в три слова бакалейную лавку со всем товаром и дарил ее нищему, который назойливо его преследовал; то нанимал несколько десятков порожних извозчиков и велел им ехать за собой цугом, что приводило городского в крайнее изумление; однажды оба приятеля сговорились купить все билеты в оперетке и вечером сосредоточенно прослушали всю пьесу в пустом зале, в присутствии только заинтригованного околочного, которому Цыркунов подарил на память об этой затее золотой портсигар.

В этот же курьезный вечер Цыркунов познакомился с опереточной певицей Незабудковой.

Незабудкова сразу оценила и коричневый смокинг, и шофера, и шикарные замашки бывшего конторщика. Сначала дело ограничилось цветами, потом ужином и цветами; потом ужином, цветами и бриллиантовой штучкой, которую Цыркунов называл очень нерешительно, боясь ошибиться:

«колье», потом ужины, цветы и «колье» свили прочное гнездышко в очень уютной квартирке, которую Незабудкова обставила даже без советов опытного шофера, а потом...

VII

– Сколько вы даете процентов, если положить на год восемь тысяч? – спросил Цыркунов (это были те самые восемь тысяч, которые были даны, «чтобы бухгалтер не портил себе кровь»).

Заведующий вкладами в банке отвечал:

– Шесть. Будете получать 480 рублей в год.

– Это значит... 40 рублей в месяц? «Ого, – подумал Цыркунов, на 15 рублей больше, чем получал у Перетягиных. Значит, проживу. Хватит!»

Цыркунов разыскал свою старую квартиру, поселился в ней и зажил тихой спокойной жизнью, без коричневых смокингов, руанской утки, шампанского и «оглушений» – забирая очень аккуратно свои сорок рублей в месяц...

Шофер, однако, не покинул своего друга в его скромной жизни. Они частенько сидят за бутылкой пива в комнате Цыркунова, и, если хозяин, изредка подняв голову к потолку, откроет рот и звучно чихнет: «Апчхи!» – шофер не преминет благожелательно посулить:

– Двести тысяч на мелкие расходы!

– Спасибо, – скажет хозяин, но уже не прибавит, как бывало: «Если бы мне действительно двести тысяч, уж я знал бы, что мне делать!..»

А склонит свою бедную фантазией голову и подумает:

«Эх, Сырых, Сырых! А может быть, и действительно, прав ты был, и действительно, лучше бы купить пароход да отправиться в чужие страны, исходатайствуя себе фамилию Джек Смит, попивая в пути ром и сражаясь с индейцами...»